

На свете есть
Две вещи высшие: любовь и смерть.
Джакомо Леопард

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сознание держится на тонкой ниточке. Пусть так — минуту назад вообще не было никаких мыслей. Тянувшая боль в левом мизинце, горло першит, в ушах — звенящая пустота, кожу жжет, такое ощущение, будто в голову вбили винные пробки. Голос доносился откуда-то изнутри, из пострадавшего мозга:

— Профессор, не могу поверить, это чудо! Убедитесь сами — он живой. Чертовщина какая-то... Молчали девятнадцать каналов энцефалографа, ни всплесков, ни кривых. Самописцы рисовали пустое место. Мозг был мертв, Леонид Захарович, уж можете мне поверить. Собирались отключить аппаратуру, Оленька всегда так делает в подобных случаях...

В голосе молодого хирурга слышались возмущенные нотки. Возвращение больного в мир эмоций, красок, образов здесь, похоже, не приветствовалось. Ресницы пациента задрожали. Голубые глаза открылись, и взгляд устремился к серому кафельному потолку. Над больным склонились двое.

— Любопытно, Саша, любопытно... Триумфальное возвращение, так сказать. Как говорится в молодежной среде, слов нет, одни вау. Он ударился головой?

— Еще как, Леонид Захарович. Увернулся от пуль, погнался за перцем, который его подкарауливал, как-то глупо оступился, упал и... затылком об асфальт.

— Неплохо, Саша, неплохо... — пожилой коллега думал о своем. Грушевидная голова мерно покачивалась. — В отличие от Эсхила, нашему клиенту страшно повезло.

— А что у нас с Эсхилом, Леонид Захарович?

— Драматург такой был греческий. Погиб, когда орел уронил на него живую черепаху. Принял лысую голову Эсхила за камень и хотел расколоть об нее панцирь... Любопытный случай, не скрою, коллега, удивительное, как говорится, рядом. Но скажу тебе откровенно, юный друг, знавала медицина прецеденты и поярче. Даже в нашей больнице. Вспомни электрика Беломатова, что свалился с двенадцатого этажа строящегося здания. Его уже выписали, нет? А картинки на твоём энцефалографе... ты знаешь, есть у меня старинный приятель — бывший, кстати, участковый терапевт и прекрасный мануалист с обширной частной практикой — так этот парень умеет играючи отклю-

МЕДИУМ

чать сознание. Просто переводит его на ноль — и все. Глаза открыты, лицо вменяемое. А самого — нет. Летает в космосе, ума набирается у вселенского разума, временами даже будущее видеть был способен. Но что-то я загнул, Саша.

— Загнули, Леонид Захарович, — согласился молодой доктор, — уж наш пациент наверняка не отключал сознание. Просто ему дико повезло.

«Повезло, — лениво ворочал извилинами «триумфально» вернувшийся, — осталось склеить разбитую вазу и начать верить в Господа Бога нашего». Дрогнули уголки губ — в мыслях полная неразбериха, память — грандиозное месиво, но почему-то всплыл в ней любопытный факт, как один чудаковатый американец, повздорив с супругой, принялся лупить себе в голову из гвоздезабивочного пистолета. Двенадцать гвоздей извлекли хирурги из черепа — ни один не повредил мозг. Да и был ли там мозг?

— Посмотрим его историю болезни... — бормотало заслуженное светило медицины большого сибирского города. — Что за везунчик у нас тут объявился... Гордецкий Вадим Сергеевич, родился седьмого января 73-го года... Что за неучи, право слово. «Родился» — изобретение советской власти, насилие над русским языком. Следует писать — «рожден такого-то числа такого-то года». Тэ-кс... Семейное положение... («Герой-любовник», — уныло подумал пациент, — в порочащих связях замечен дважды), проживает в нашем городе, временно неработающий, уволен из аналитического отдела службы безопасности торгового дома «Радуга», с 2004 по 2005 год преподавал пси-

хологию на факультете общественных наук гуманитарного университета. Не главарь ОПГ, уже хорошо, а то зачастили что-то... — дальше было долгое молчание, потом хирург отбросил карту. — Хорошо, Саша, скрупулезно обследуй это комнатное растение и постарайся, чтобы оно не загнулось. Будем надеяться, подозрения на гематому не подтвердятся... Ты все еще удивлен, Саша?

— Любопытная дата рождения, не находите, Леонид Захарович?

— Седьмое января? Ты думаешь, она что-то значит? — профессор с трудом сдерживал хохот.

«Ничего не значит, — подумал больной. — Мне по духу ближе конфуцианство».

— Да нет, Леонид Захарович, просто любопытно, — молодой доктор, казалось, смутился.

— Исключительно русское словосочетание — «Да нет», — съерничал профессор. — Продолжайте, коллега, у вас неплохо получается. Поместите вашего божественного пациента в отдельную палату на четвертом этаже. Постоянный контроль и ухаживать, как за собственной мамой. А далее посмотрим, что ему уготовано в жизни — гениальность или легкий дебилизм...

Свет погас, театр опустел. Больной начал судорожно выкарабкиваться из зыбучих песков, в которые превращалась в его сознании больничная каталка.

Он медленно возвращался в нормальное состояние. Пришла болезненная чувствительность. Он не помнил, как его перевозили в отдельную палату на четвертом этаже, провалился в огнедышащую бездну, жарился, румянился

МЕДИУМ

по бокам. Очнулся в темноте и вновь поплыл по адскому кругу. Образы носились в голове, сменяя друг друга. Скрипела подъездная дверь, визжала женщина, из темноты вываливалось чудовище, сверкая фосфорными клыками... Дверь в аналитический отдел службы безопасности гигантского торгового дома, с табличкой, остроумно извещающей: «Использовать только для входа и выхода!», вечно зевающий Роман Переведенцев; серый от недосыпа босс Григорий Ильич, перманентно недовольный сотрудниками и сетующий на ленивое человечество — мусульмане, дескать, отдыхают в пятницу, иудеи в субботу, христиане в воскресенье, пьющие в понедельник, буддисты медитируют постоянно, а РАБОТАТЬ кто будет?.. Потом извне, из упрятанных за кадром форсунок, заструились завитки белого тумана, поползли, образуя вихрящуюся дымку. Туман клубился — и вдруг развеялся. Появилась металлическая решетка с дверцей — когда-то крашенная, нынче облезлая и некрасивая. Рваный линолеум на полу, за решеткой коридорная система, двери, кургузые плафоны. Целый пласт сохлой штукатурки и желтая от старости рукописная стенгазета почти отвалились от стены и зависли над скамейкой. Под штукатуркой что-то сверкнуло — вспыхнуло, посыпались голубые брызги. Из ничего образовалось пламя — жадное, необузданное и кинулось вылизывать стену. Занялась газета, свернулась, огненный ком обрушился на скамейку. Решетку и проход уже заволакивало густым дымом... И словно нажали кнопку на пульте дистанционного управления — резкая смена образа. Пошел обратный отсчет — Григорий Ильич, тихо поминающий оз-

веревшее от безделья человечество; подъезд, пропитанный смрадом вешних канализационных вод, хрустящий пластик под ногами, очень своевременная мысль, что в так называемых приличных домах проживают такие же свиньи, как и везде, только уборщикам платят больше...

Очнулся Вадим Сергеевич Гордецкий не в Америке, неведомо в какой больнице, а утром и у себя на родине. Просторная палата отливала какой-то ненормальной, нерусской чистотой. Вяленая мимоза на подоконнике, капельница (слава богу, неработающая), приличная кровать, способная при нужде вместить не только Вадима, но и медсестру с длинными ногами, которая в данный момент возилась со своими баночками, стоя к нему спиной. Усмирив эротическое видение и придя к мысли, что в ногах имеется-таки правда, Вадим пошевелил конечностями и предпринял попытку подняться. Ниже шеи не болело. За окном на березе переливались глянец крохотные листочки. Месяц май в этом году выдался неприлично холодным (уместнее сказать, морозным), природа совершенно не хотела просыпаться.

— Стоп, стоп, — медсестра среагировала на скрип пружин. Звякнули баночки. — Что за леопард приготовился к прыжку? Свалитесь с кровати, больной, умрете, а меня потом из-за вас уволят... — она повернулась, показав вздернутый носик, заправленные под шапочку золотистые кудряшки, и принялась весело отчитывать больного. «А ведь не только в ногах есть правда, — продолжал ученые наблюдения Вадим. — Вполне достойный видеоряд».

МЕДИУМ

— Во-первых, здравствуйте, — улыбнулся он, преодолевая канонаду внутри черепа. На всякий случай прекратил попытки встать и стал ожидать ответа симпатичной медсестры.

— И вам не болеть, — приснула девушка, подошла к нему, вытянула из-под спины подушку и прислонила к изголовью. Стало легче.

— Вот так, больной, и не вздумайте шевелиться. Сейчас сообразим укольчик, а потом полный покой, пока не придет доктор и не скажет что-нибудь доброе. Сожалею, но вам придется во всем меня слушаться.

— Строго тут у вас, — Вадим лихорадочно соображал, в какое место она собирается вонзить иглу. Судя по загадочной улыбке, с которой девушка подвезла тележку и выбрала самый здоровый из шприцов, это было не плечо.

— Повернитесь, пожалуйста. И не кричите, как участник всех войн, больно не будет. Только первые десять минут, обещаю...

— Да ладно вам, — смутился Вадим, принимая требуемую позу. — Что естественно, как говорится, то не без мааразма... — вытерпел унижительную процедуру, натянул пижамные штаны и вернулся на исходную позицию.

— Вам стало лучше, правда? — улыбнулась медсестра.

— Правда, — буркнул он. — Но лучше бы стало хорошо. Впрочем, если бы не болело, я бы, скорее всего, умер... У вас имя есть, девушка?

— Только для вас, — засмеялась медсестра. — Называйте меня Елизаветой Павловной. Лучше шепотом и с придыханием. С удовольствием бы с вами поболтала, Вадим Сергеевич, но вы не единственный пациент в этой больни-

це — вынуждена бежать. Надеюсь, вы будете вести себя благоразумно? Если что, нажмите вот эту кнопочку.

— Я попробую, — пообещал Вадим. — Заходите, если будете в наших краях, Лизавета Павловна.

— Всего хорошего, — позвякивая тележкой, она отправилась по неотложным делам.

— А что за запах? — спросил он.

Она остановилась, удивленно сомкнув стрелочки бровей.

— Вы чувствуете?

— Не жалеюсь на нюх, — немного и покривил душой Вадим. Будучи заядлым курильщиком, он плохо дружил с запахами, но сегодня уловил, как из коридора потягивает горелым.

— Ничего страшного, — смутилась Елизавета. — Просто в два часа ночи замкнуло проводку в западном крыле здания. Крыло пустует, там ни мебели, ни оборудования, расчищено под ремонт — давно пора, с такой-то обветшалостью... Дежурная сестра вызвала пожарных, потушили быстро и поэтому решили больных клиники не эвакуировать. Огонь не распространился, там решетчатые перегородки везде, обошлось, знаете ли... Вы как-то изменились в лице, Вадим Сергеевич.

— Так заметно? — пожал плечами Вадим. — Представил неприятную картину. Решетка, говорите, Елизавета Павловна? — в горле образовалось что-то шершавое — дикое ощущение, что проглотил кляп из наждачной бумаги.

— Решетка, — она внимательно посмотрела ему в глаза. — А что вас так беспокоило? В крыле работало стоматологическое отделение, но ему выделили новое здание на Серпуховс-

МЕДИУМ

кой, а пустующие помещения после ремонта собирались сдать в аренду фирме «Медсиб».

— Я, кажется, лечил там однажды зубы, — с трудом выговорил Вадим. — Линолеум на полу еще в такой крупный горошек...

— Станный вы какой-то, — хмыкнула медсестра. — Ну, в горошек. Лечили зубы при царе Горохе и запомнили рисунок линолеума.

«Никому ни о чем не скажу, — уныло думал Вадим. — О чем тут говорить? Чепуха, совпадение...»

Мысли бегали по кругу, и обуздать всю эту круговерть мог бы только опытный наездник. А тут еще привязалась старая уголовная песня «Цыганка с картами, дорога дальняя» — на мотив «Ромашки спрятались, поникли лютики». Поняв, что быть прикованным к постели — не его кредо, Вадим спустился на пол, переждал, пока уймется карусель в голове. Прогулялся до окна, полюбовался на внутренний двор больницы, где несчастные в пижамах под присмотром старших товарищей белили тополя и бордюры. Добрел до санузла, где имелся душ, «подержанный», но прочный унитаз и целых три рулона колючей туалетной бумаги. Пугающее изобилие. Ученые давно подсчитали, что семья из трех человек за год спускает в унитаз целое дерево...

Из зеркала тарашился бледный, как больничный кафель, субъект чуть выше среднего роста, немного стройнее среднестатистического мужчины. На голове ковыль, взметенный ураганом, на лбу шишка с добрую картофелину, к которой страшно прикасаться. Глаза водянисто-голубые, с безуминкой. Он помнил ос-

новые вехи своей биографии. Никакой амнезии, никакого переселения душ. Гордецкий Вадим Сергеевич, пока не разведен, бездетный. Год в милиции после армии (постиг, что чем крупнее город, тем мельче в нем менты), заочный пединститут, учитель литературы, преподаватель психологии, безденежье, курсы, аналитик в торговом доме «Радуга», зарплата так себе, на любителя, попутная подработка с использованием старых связей. Не совсем, правда, восстановились в памяти события того прохладного майского вечера, но дело, как говорится, наживное...

Стоит ли так паниковать? Беда прошла, жизнь продолжается. Вернулся с того света, пережив клиническую смерть — говоря грамотно и научно, NDE — Near Death Experience, «околосмертельный опыт». Тоннеля не видел, да и опыт, честно говоря, хреновенький. Вот только почему так быстро встал на ноги и что за ерунда с видением пожара в западном крыле больницы?..

Делать было нечего, он вернулся в кровать, уснул, проснулся от головной боли. Началось паломничество. Вскоре он знал, что находится в десятой хирургической больнице, снимки мозга не показывают серьезных отклонений, опухолей, утечек серого вещества. Полости сердца не расширены, кинез миокарда левого желудочка, имеется добавочная сухожильная хорда в верхней трети его полости, клапанный аппарат интактен. Курирует его лично заслуженный врач Российской Федерации Воровский Л.З., а отключить аппаратуру не поднялась рука у молодого хирурга Позднякова. Лежать ему как минимум вечность и терпеливо сносить

МЕДИУМ

осмотры и унижения. После обеда, который доставили в палату со всеми гражданскими почестями, он уснул, утомленный повышенным вниманием. Проснулся от шума в коридоре.

— Да это не Морозов! — бушевала разгневанная работница. — Это Отморозов какой-то! Опять сбежал из-под капельницы! Курит на чердаке, мерзавец! Ловите его, девочки!

Он вспомнил обстоятельства, предшествующие бесславному падению. Словно прожектор зажегся в сумраке памяти. 23 мая, вторник. В кармане образовалось несколько тысяч в национальной валюте, и он подумал, что если уж швырять их на ветер, то лучше навстречу ветру. Супруга, работающая в Н-ской Ассоциации Туристических Организаций (наглецы там в руководстве), провела семинар в родном городе и укатила на симпозиум в столицу, откуда должна была плавно перетечь на конгресс в Индонезию — словом, квартира пустовала, и требовалась спутница жизни на одну ночь. Хорошенькая девушка всхлипывала носиком в фойе супермаркета, она была так трогательна, что у Вадима не хватило духу пройти мимо. Девушка копалась в сумочке, рыженькая, в микроюбочке, невзирая на собачий холод. Не защитить такую красоту было просто не по-самурайски. Ведь женщины такие умные и предусмотрительные. Бумажку с пин-кодом хранят в кошельке рядом с банковской карточкой, чтобы не мучить ни себя, ни карманника. Где свершилась беда, она не знает. И пока не начала говорить, казалась вполне разумной. А потом отступить было некуда. Ведомый благородными чувствами, он подвел девушку по имени Злата к ближайшему милиционеру, о чем

впоследствии сильно пожалел. Милиционер был страшно занят, доказав лишний раз, что милиция в этой стране борется с преступностью, как алкоголик — с выпивкой. Только виноватому у нас ничего не грозит. Из лап закона удалось вырваться и даже накормить голодную девушку в китайском ресторане, попутно зачитав познавательную лекцию по основам энтомофагии (потребления в пищу насекомых). Спутница повеселела, заявила, что аппетит у нее от лекции не испортился, поскольку она трудится по медицинской линии (хотя и не пивкой), а вот интерес к собеседнику возрос. Разбудила в нем кролика. Он вцепился в нее на заднем сиденье такси, как знаменосец в полковое знамя, и девушка в долгу не осталась. В голове уже призывно маячил четвероногий мягкий друг с надежным механизмом. На улице темнело, десять вечера. Они высадились из такси, бормоча какие-то глупости. Она кусала его за щеку, возмущалась, почему он такой небритый, а он отшучивался, что никогда не бредется перед сном, лицо с подушки соскальзывает. Прыгали через лужу, Вадим уверял, что это не лужа, а вход в метро. У подъезда красовался джип коммерсанта Качурина, проживающего на одной площадке с семейством Гордецких. Пикнула сигнализация, коммерсант направился к подъезду, как вдруг вспомнил, что оставил в машине документы, хлопнул себя по лбу, высказался на грани цензуры, зашагал обратно. Светиться перед соседом Вадиму не хотелось, но и прятаться в подворотне было унижительно. Он потащил Злату по дорожке к подъезду, коммерсант как раз погрузился в салон. Вадим еще расшаркался, распахивая перед ней дверь —

МЕДИУМ

дескать, только после вас, мэм. «Ты такой галантный», — восхитилась девушка. «Скорее, осторожный, — объяснил он. — А вдруг в подъезде хулиганы? Пока будут склонять тебя к сожительству, успею удрать».

Удрать он, к сожалению, не успел. Но навыки, обретенные в нескудной жизни, помогли. Лампочка в подъезде не горела. Кто-то выступил из темноты, пропахшей канализацией. Он отшвырнул от себя Злату, и пока летела пуля, успел метнуться к перилам. С глушителем стреляют, — мелькнуло в голове. Вторая пуля также цели не достигла, он метался от стены к стене, и сразить его могла лишь плотная очередь из автомата. Третьего выстрела не было — осечка. Он воспользовался моментом, бросился вперед, поймал руку с пистолетом, но незнакомец вырвался. «Кулачком работаем, кулачком», — подсказал тренер в голове. Он нацелил удар — примерно в голову. Но пробил пустоту, недоросток оказался! Стрелок вырвался, побежал к лифту, как-то смешно топая ногами (неужто и впрямь карлик?). Вадим пустился в погоню. Подвела нестандартная планировка дома. На площадке между этажами он настиг недомерка, прыгнул, повалил, но тот был словно жиром намазан — проворно вывернулся, Вадим снова прыгнул, ударился головой. Что-то юркое метнулось на балкон общего пользования. Оба махнули через перила — второй этаж, ерунда, прыгнули на крышу примыкающей к дому забегаловки — а там их целых три: цветочная, книжная и алкогольно-закусочная — а далее по забору толщиной в полкирпича. Злодей был явно из цирка — пробежал, почти не балансируя, как по дорожке, спрыгнул на

крышу гаража. Вадим бы тоже показал класс, но кирпич вывалился из кладки, нога скользнула по отвесной стене, и не осталось других вариантов, кроме... того самого. Затылком об асфальт. Вот и все, — думал он, врезаясь в твердое покрытие. Ты выполнил недопустимую операцию и будешь закрыт...

Существование в больнице было похоже на протяжный вой. Моменты относительной вменяемости и «прямохождения» сменялись полными провалами. Он не мог контролировать время. В период просветления нарисовался следователь из прокуратуры, задавал формальные вопросы, участливо кивал головой. Под занавес беседы как бы невзначай поинтересовался, правда ли, что пострадавший когда-то работал в милиции. «Истинный крест, — прошептал, смыкая веки, Вадим. — Но только не работал, а служил. Милиция у нас не работает...»

Снова пребывание в беспамятстве. «Пора кончать это гадство», — толкнуло в затылок сознание, он открыл глаза. В палату входила медсестра Елизавета Павловна. Медсестричка, ангел мой, украшенье лазарета... Посмотришь на такую, и сразу пропадает охота болеть. Мордашка загадочная, как шифровальная машинка «Энигма» гитлеровского подводного флота — до тех пор, пока в позапрошлом году не взломали ее знаменитый код.

— Здравствуйте, Вадим Сергеевич, — сказала с растяжкой медицинская работница. — У вас такие глаза ждущие.

— Жду... — Вадим сглотнул, чувствуя сосание под ложечкой. — Любви, ласки, понимания, чего-нибудь покушать.

МЕДИУМ

— Рано еще, — прыснула Елизавета. — Питаться будете духовной пищей. Посетительница к вам. Крикливая, разодетая, уверяет, что ваша жена. Поздравляю, у вас потрясающий вкус.

Вадим в расстроенных чувствах закрыл глаза.

А когда открыл, напротив него в ультрамодном, приобретенном явно не в Сибири, пиджачке сидела турагентша по имени Жанна. Уже спокойная, в глазах дозированная жалость — к мужу, всеобъемлющая — к себе, спина прямая, губы плотно сжаты, мушка над верхней губой, не женщина, а картинка. Как открытая книга на китайском языке: все видно, прочесть можно, но ни черта не понятно...

Молчали долго, с чувством, после чего Жанна Альбертовна взгромодила на этажерку пакет с апельсинами и гроздь бананов (чтобы потенцию не баловать).

— Знаешь, дорогой, — саркастически заметила Жанна. — Не все то золото, что молчит.

— Я просто изумлен, дорогая, — промямлил Вадим. — У тебя птичий склероз? Ты забыла улететь на юг?

— Очень смешно, — подумав, ответила Жанна. — Но с юга я, к сожалению, вернулась. Новость настигла на Бали: Вадим Гордецкий пал клинической смертью, срочно требуется вмешательство родных и близких. Так спешила из аэропорта, что... — Жанна замолчала. Всеобъемлющая жалость к самой себе сделалась доминантой.

— Позвольте догадаться, — приподнялся Вадим. — Две новости — плохая и хорошая. Хорошая — это то, что подушка безопасности сработала. Ты раскромсала джип?

— Не так плачевно, дорогой. Не волнуйся, я успела применить экстренное торможение. Джип местами невредим. Дело в том, что в стране дураков никогда не научатся строить приличные дороги. Но это лирика. В милиции мне сказали, что карающий меч ночного грабителя настиг тебя в тот момент, когда ты вел к нам в гости какую-то грязную потаскушку?

— Почему грязную?

— Впрочем, нам, татарам, все равно, — усмехнулась Жанна. — Ты ее, в любом случае, не довел. Оргазм подкрался, но не грянул, сломалась старая тахта. А квартиру, я думаю, мы распилим. Вот только... — она уставилась на лежащего мужа с какой-то брезгливой жалостью.

— Даже и не думай, — запротестовал Вадим. — Жалость в данном случае неуместна. Забудь меня, Жанночка. Оставь ненужное самопожертвование. Врачи признались, что до конца дней я буду прикованным к кровати инвалидом. Уходи из моего сердца, улетай на юг, устраивай жизнь — и пусть твоя совесть спит спокойно. В конце концов, мы станем цивилизованной страной — а в цивилизованных странах, в той же Голландии, к инвалидам на дом приходят социальные проститутки. Проживу уж как-нибудь...

Но вывести из себя бывшую супругу в этот торжественный момент оказалось непросто. Аура сидящей рядом женщины лучилась презрением. Все вокруг становилось другим, но ничего не менялось.

— Типичная аггравация, — бормотала образованная супруга. — Неумное преувеличение больным тяжести своего состояния...

МЕДИУМ

Вадим закрыл глаза. Он знал наверняка — с семейной жизнью покончено бесповоротно. Слишком долго они трепали друг другу нервы. Не спасет ни клиническая смерть, ни шишка на затылке, ни ложные представления о порядочности. Хорошо, что не успели обзавестись детьми...

Когда он очнулся, супруги в палате не было. Но из-за двери показался любопытный носик Лизаветы Павловны.

— Вы в порядке, Вадим Сергеевич?

— Как скала, — отрапортовал Вадим. — Заходите, гражданка, поболтаем.

— Я бы с удовольствием, но к вам опять посетительница, — подкрашенные тушью глазки коварно заблестели. — Вы, наверное, утомились. Перенесем аудиенцию на более поздний срок?

— Ни в коем случае, — возразил Вадим. — Впускайте. Разрубим сразу все, и будем отдыхать.

Вошла рыжеволосая красавица Злата, увешанная пакетами, и застенчиво замялась на пороге. Эфемерное создание, не добравшееся до его квартиры, сорвавшее голос в «парадном», а потом нашедшее в себе мужество вызвать милицию и медиков. Он бледно улыбнулся, прошептал умирающим голосом:

— Я знал, что ты придешь. Но, право слово, это так нелепо, смешно, безрассудно...

— Я буду ждать, пока тебя вылечат, — трепетно заявила девица, села на краешек кровати. Он накрыл ее дрожащую руку своей тоже дрожащей рукой.

— Спасибо, милая, не стоит взваливать на себя столь непосильный груз. Ты еще молодая.

А мне — врачи по секрету сказали — всю жизнь придется передвигаться в инвалидном кресле...

Он, кажется, уснул, а когда проснулся, в палате было пусто. Он лежал, обложенный фруктами, как венками. В окно колотилась обезумевшая муха.

— Интересные у вас знакомые, Вадим Сергеевич, — сказал Елизавета, входя в палату.

— Расцветивают мою серость, — похвастался Вадим.

— Ой ли? — девица покачала головой. — Вы всех отправили к чертовой матери, как не стыдно? А к вам, между прочим, снова пришли. Вы прямо звезда.

— Опять посетительница? — простонал Вадим.

— Посетитель, Вадим Сергеевич, посетитель...

Разметав полы белоснежного халата, в лоно выздоровления вломился коммерсант Качурин, проживающий в соседней квартире, грохнул на этажерку пакет с апельсинами, подобрал пузо и без преамбул заявил:

— Прости, сосед, что так вышло, ей-богу, не хотел. Не обижайся, что долго не навещал: налоговая как инфекция привязалась, замаялся, блин, лечиться...

— Минуточку, — насторожился Вадим. — Ты чего, Димон? Вроде не пьяный.

— А ты до сих пор не понял? — схватился за голову коммерсант. — Я же видел, как вы с девкой вошли передо мной в подъезд! Кто в тебя стрелял?

— А я знаю?

— Так это же меня хотели убить! — загремел Качурин. — Я догадываюсь — кто! Недо-

МЕДИУМ

бросовестный партнер из Новокузнецка! Ми-
лиция в курсе. Отгружали в прошлом году
партию оргтехники, кредит выпросил, мерза-
вец! Процентом набежало море! Больше, чем
сумма сделки! Отдавать не хочет, валит на
партнеров, которые якобы его надули, а мне
какое дело до его партнеров, скажи? Вспомни
ситуацию, Вадим! Горе-стрелок подждал
меня в парадном, выкрутил лампочку. Узрел в
окне между этажами, как я подъехал на джи-
пе, вылез и потопал к подъезду. Не у каждого
в городе последняя модель Nissan X-Trail, раз-
нюхал, подонок... Сообразил, что сейчас я
войду в подъезд, и побежал вниз. А я вернул-
ся — документы в машине забыл. А вы с дев-
чонкой шмыгнули вдоль стеночки — я же не
слепой. Он и начал палить, думая, что это я.
Темнота, не видно ни зги. Потом баба завиз-
жала, разобрался, пустился наутек. Такие вот
дела, сосед. Чего уставился, словно рог у меня
на лбу? Нет там никакого рога, Зинка всегда
под контролем...

В словах коммерсанта была бетонная логи-
ка. Стечение обстоятельств, и можно забыть.
Но что-то удерживало от проявления бурного
восторга. Он тупо смотрел в потолок, тщась
справиться с мыслями и предчувствиями.

— Эй, ты где, сосед? — потряс его Качурин.

— В океане сомнений, — неохотно выдавил
Вадим.

— Ты думаешь, шли на тебя? — обрадовался
сосед. — Знаешь, Вадим, я сам до конца не
уверен, что пасли меня, хотя теория вроде
стройна и дело ясное. Но еще папаша Мюллер
говорил, что ясность — одна из форм полного
тумана.

— Вот именно, Димон, — вздохнул Вадим. — Желать моей смерти вроде некому. Хотя...

Мужчины озадаченно уставились друг на друга. Пища для размышлений, что ни говори, имелась, причем обильная. Одно неясно — если ждали Вадима, как заморыш, сидящий в подъезде, мог их разглядеть, крадущихся вдоль дома. Впрочем, он мог получить сигнал от кого-то извне...

— Ты не думай, что я обрадовался, — бормотал Качурин. — Мы с тобой прекрасные соседи, и если тебя пришьют, я не описаюсь от восторга. Хочешь, приставлю к тебе человечка?

— Не нужно, — поморщился Вадим.

— А кто тебя будет охранять? — удивился Качурин. — Доблестные органы? Им самим нужна охрана. С персоналом договарюсь, не волнуйся. Парня зовут Боря — будет торчать у палаты. Докучать не станет, обещаю. А как выпишешься, охрана автоматически снимается. А я, от греха подальше, куда-нибудь из города смоюсь. Имеется давнишняя мечта — бросить все, улететь в страну, где много, много диких обезьян... Обменяю баксы на крузейро...

— Крузадо, — машинально поправил Вадим.

— Чего? — не понял коммерсант.

— Деньги такие. В стране диких обезьян. Если ты имеешь в виду Бразилию. Ладно, сосед, дерзай, Бог тебе навстречу...

Сознание меркло. Он опять не помнил, как убрался посетитель, что он говорил на прощание и что звучало в ответ. Телохранитель по имени Боря оказался милым, интеллигентным молодым человеком в огромных черных очках, которые не снимал даже в темных помещениях.

МЕДИУМ

Под очками был синяк, об этом поведала при очередном посещении медсестра и очень странно на него взглянула. «Какой ни есть, а VIP», — подумал Вадим. Он снова валялся в забытьи. Собрался консилиум, включили свет, склонились мудрые головы.

— Очень любопытный случай, коллеги, — вкрадчиво вещал Леонид Захарович Воровский. — Мозг пациента был полностью отключен минут пятнадцать. А сейчас — полюбуйте на снимки — все вернулось к норме. Смущает только вот это неопределенное пятнышко...

— Фотограф был пьян, — прошептал Вадим, но его никто не слышал.

К черепу подключали какие-то провода с клеммами, следили за показаниями невидимых приборов, сделали больно и не извинились. Задавали глупые вопросы, наивно полагая, что проводят тест на интеллект.

— А что вы скажете о Бенджамине Франклинe, любезный? — лисьим голосом вопрошал профессор. — Как у нас по президентам?

— Не был Бенни президентом, — устало отвечал Вадим, — вопреки популярному заблуждению. Он был одним из авторов Декларации независимости и изобрел громоотвод...

— Да что вы говорите? — изумилось светило. — А вот последний факт науке неизвестен.

— Бросьте вы, — поморщился Вадим. — Многие из великих занимались побочными открытиями. Эдисон корпел над электрической ловушкой для тараканов, а получился электрический стул. Галилей изобрел градусник, Платон — будильник, Леонардо да Винчи — салфетки, хлебрезную машинку, танк... и тоже, кстати, будильник, который тер спящему ноги.

Профессор, хватит заниматься глупостями. Клиническая смерть не повлияла на интеллект. Не прибыло, не убыло. Золото растворяется в царской водке, от обилия росы зависит жаркость предстоящего дня, а «Голубой поток» — это вовсе не орды гомосеков, хлынувшие на Русь. А еще я знаю, что такое обценная идиоматика — могу толкнуть по случаю тройку-другую хрестоматийных примеров...

Воцарилось недоуменное молчание. Кто-то из несведущих прошептал:

— А что такое обценная идиоматика?

— Ненормативная лексика, — скупко объяснил знающий коллега.

— Ну что ж, любезный, — пытался сгладить впечатление профессор. — Понимаю, вы устали, не смеем больше вас задерживать. До новых, так сказать, встреч, — погасла голубая луна, говор сделался приглушенным, каталка, поскрипывая ходовой частью, куда-то поехала...

Ночью его терзали видения, в которых не было никакой конкретики. Личности без глаз и волосяного покрова, но в белых хирургических масках, склонялись над больным, изъяснялись на птичьем языке. Блаженный старичок бесцеремонно лез в квартиру, объясняя, что ходит по домам и собирает средства на отправку губернатора в космос, причем дают немного, но многие. Алкоголик дядя Гога, размазывая пьяные сопли, жаловался, что угораздило же родиться на единственной планете, где нет ему житья. Комья грязи летели из-под дворницкой метлы. Хлопала форточка, за которой разнузданно стреляли молнии. Бились ноги в клетчатых бабушкиных носках — вспорхнуло одеяло, красиво улеглось на пол...

МЕДИУМ

Он проснулся среди ночи с жутким желанием обкуриться. Выбрался в коридор, разбудил мрачноватого, но интеллигентного Борю, оказавшегося, по счастью, заядлым курильщиком. Болтали о чем-то, но содержание беседы утром полностью выветрилось из головы. Очень странно, что утро все-таки наступило.

— Ужас, ужас, — вошла в палату и раздернула шторы, привстав при этом на цыпочки, Елизавета Павловна (Вадим залюбовался буйным смещением непристойности и высокой эстетики). — Две новости, Вадим Сергеевич — одна хорошая, другая плохая. По случаю субботнего дня вас решили оставить в покое — это хорошая. В восточном крыле — а там у нас отделение для состоятельных сердечников — кажется, что-то произошло. Главврача вызывали, вернулся бледный. Милиция обложила отделение, говорят, убили кого-то...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Все текло своим чередом. Не было ни одного лишнего события. Отъезд жены, обворованная девушка в супермаркете, покушение, «смерть», Качурин, предвидение номер один, предвидение номер два. План чрезвычайных ситуаций для отдельно взятого Гордецкого был составлен загодя и утвержден во всех инстанциях. Здоровье позволяло вырваться из лапок медсестры и раствориться в лабиринтах больничных переходов. Шлепая тапками, он добрел до восточного крыла, спустился на второй этаж. В здешней юдоли скорби все было как у белых людей — евроремонт, мраморные колонны, в нишах между палатами африканские

джунгли, на которых неплохо смотрелись бы дикие обезьяны. Предчувствие не обмануло. У палаты под номером двадцать девять толклись люди с характерными лицами. Милиционер в звании сержанта преградил дорогу.

— А вы еще куда? — недоверчиво уставился на «антилихорадную» простынку, обмотанную вокруг Вадима.

— Подумаешь, простынка, — буркнул Вадим. — В Древней Греции люди постоянно носили простыни, потому что ночевали, где попало.

— Ты что, псих? — напрягся сержант.

— Имею право, — буркнул Вадим. — Вообще-то, я Джон Батлер, генеральный инспектор Скотланд-Ярда. Не будем нарываться, сержант. Кто тут у вас командует?

Странные нотки в голосе «инспектора» предостерегли сержанта от решительных милицейских мер.

— Майор Румянцев. Никита Афанасьевич, — поведал он с неприязнью.

Не обмануло предчувствие, ох, не обмануло...

— Так зови Никиту Афанасьевича, чего ждешь? — начал раздражаться Вадим. — Скажи, Гордецкий снова в строю.

У майора Румянцева — невысокого крепыша с большими ушами — были красные от недосыпа глаза, мятый пиджак и бездна нереализованного сарказма.

— Покойничек явился, — забормотал он, протягивая руку. — Ладно, сержант, не ломай ему крылья. Но на будущее учти — этого парня проще не пустить, чем потом выгнать.

Они сидели у окна в стороне от людей и нервно курили.

МЕДИУМ

— История продолжается? — угрюмо спросил Вадим.

— И как ты догадался? — Никита впихнул бычок между плитками паркета. — Полный мрачняк. Все необъяснимо, загадочно, и кровь привычно стынет в жилах. Извини, что не навестил. Прослышал о твоём несчастье и даже навел справки, в какой ты больнице... Серьезно, закрутился. Говорят, ты с того света вернулся?

— Пустяки, — отмахнулся Вадим. — Головой ударился, ничего страшного. Умнее буду.

— Да куда уж умнее, — покосился Никита. — А знаешь, вот ума не приложу, почему ты оказался в той самой клинике, где грохнули этого бедолагу. Да еще и сам пришел.

— Так это я его, неужели непонятно? — удивился Вадим. — Могу признание написать, по всем правилам протокольного искусства — только заранее объясни, кого там грохнули... Ужасно выглядишь, Никита. Не могу представить, кого однажды труд сделает из человека. Убили-то кого?

— А тебе зачем? Ты же у нас сугубо гражданский. Вольный хлебопашец с шишкой на затылке.

— Стариной решил потрянуть.

— Смотри, отвалится старина. Хорошо, слушай. Погибший — Семен Борисович Белоярский, известный художник, почетный житель нашего города и страны в целом. Украшение, так сказать, отчизны. Имя на слуху. О нем слышали все, и даже ты...

— Слышал, — подтвердил Вадим. — Но, честно говоря, не думал, что он еще живой и проживает в нашем городе...